

В. З. ПАНФИЛОВ

# НИВХСКО-АЛТАЙСКИЕ ЯЗЫКОВЫЕ СВЯЗИ

1. Нивхский (гиляцкий) язык включается в группу палеоазиатских языков наряду с чукотским, корякским, керекским, алюторским, ительменским, эскимосским, алеутским, юкагирским и кетским. Л. Шренк, объединивший их в одну группу, полагал, что их носители являются остатками древнего населения Азии — палеоазиатами. Однако эти языки разбиваются на ряд генетически разнородных групп: чукотско-камчатскую, включающую родственные между собой чукотский, корякский, керекский, алюторский и ительменский языки, эскимосско-алеутскую и отдельные изолированные языки — кетский, юкагирский и нивхский.

Нивхский язык состоит из трех диалектов — амурского (ам. д.), восточносахалинского (в.-с. д.) и северосахалинского (с.-с. д.). Между первыми двумя диалектами существуют значительные различия не только в лексике, но и в грамматике, а также фонетическом строе. Третий диалект занимает промежуточное положение между двумя этими основными диалектами. При этом восточносахалинский диалект по сравнению с амурским диалектом сохраняет ряд архаических черт.

Попытки установить генетические и иного рода связи нивхского языка с другими языками предпринимались уже в первый период его научного исследования. Л. Я. Штернберг, указывая на изолированное положение нивхского языка среди окружающих его тунгусо-маньчжурских и айнского языков, высказывал предположение о его близости к индейским языкам Северной Америки<sup>1</sup>. Однако, это предположение подкреплялось ссылкой лишь на факт наличия общих типологических черт нивхского и этих последних языков, причем в действительности являются общими лишь некоторые из них (местоименные показатели объекта в составе переходных глаголов, многие ряды числительных, каждый из которых употребляется при счете предметов определенного рода, близость имени к глаголу и др.). Эта гипотеза Л. Я. Штернберга в дальнейшем не получила обоснования в отношении фактов материальной близости нивхского и индейских языков<sup>2</sup>.

В последние десятилетия был опубликован ряд работ О. Тайёра и К. Боуда, в которых даются в основном лексические параллели между нивхским языком и языками чукотско-камчатской группы, а также финно-угорскими и самодийскими<sup>3</sup>.

<sup>1</sup> Л. Я. Штернберг, Образцы материалов по изучению гиляцкого языка и фольклора, «Изв. имп. Акад. наук», 1900, XIII, 4, стр. 410; L. Sternberg, Bemerkungen über Beziehungen zwischen der Morphologie der giljakischen und amerikanischen Sprachen, «XIV. Amerikanisten Kongress», Stuttgart, 1904, стр. 138—140.

<sup>2</sup> Здесь можно упомянуть лишь о статье М. Свадеша «Лингвистические связи Америки и Евразии» (сб. «Этимология», М., 1964), в которой приводятся несколько параллелей материального характера между нивхским и некоторыми индейскими языками.

<sup>3</sup> См.: O. G. Tailleur, La place du Ghiliak parmi les langages paléosiberiennes, «Lingua», IX, 2, 1960; K. Bouda, Die Verwandtschaftsverhältnisse des Giljakischen, «Anthropos», 55, 1960; его же, Giljakisch und Uralisch (Domaine Gilyak), «Orbis», 17—2, 1968.

В отличие от этих авторов Е. А. Крейнович поставил задачу установить, «что нивхский язык подвергался влиянию ряда языков Дальнего Востока, и сам, по-видимому, в какой-то степени влиял на них»<sup>4</sup>. Приводимые лексические и некоторые грамматические параллели из нивхского и тунгусо-маньчжурских, а в некоторых случаях — и из корейского рассматриваются автором как результат заимствований в основном из этих языков в нивхский, а иногда — из нивхского в эти языки. При этом, однако, не учитывается, что многие нивхские слова, заимствованные, по мнению Е. А. Крейновича, из тунгусо-маньчжурских или корейского языков, образованы от таких корневых морфем, которые в нивхском имеют многочисленные производные, составляющие обширные гнезда слов. Очевидно, что такого рода слова нивхского языка не могут рассматриваться как заимствования из тунгусо-маньчжурских языков или, во всяком случае, не являются результатом контактов нивхского языка с этими языками в исторически засвидетельствованный период времени.

Рассматривая вопрос об отношении нивхского языка к другим языкам и, в частности, к алтайским и некоторым языкам юго-восточной Азии, необходимо учитывать широкий исторический контекст и, в особенности, археологические, антропологические и этнографические данные. Факты археологии и этнографии позволяют утверждать, что нивхи являются прямыми потомками древнего неолитического населения Приамурья<sup>5</sup>. Будучи монголоидами, нивхи составляют особый сахалино-амурский антропологический тип, который сформировался в результате контактов северных и южных монголоидов, что, в частности, подтверждается обнаруженными связями неолита Приамурья и культур более южных районов Восточной Азии<sup>6</sup>. Тунгусо-маньчжурские народы относятся к другому типу монголоидов — байкальскому. О его происхождении и, в частности, о роли в его формировании палеоазиатского населения Сибири археологами и антропологами высказываются различные мнения<sup>7</sup>, но тем не менее положение о том, что палеоазиаты некогда занимали более обширную территорию Сибири и что тунгусы ныне обитают в районах, которые некогда населяло палеоазиатское население, является общепринятым. В связи с этим допустима гипотеза о наличии палеоазиатского и, в частности, нивхского субстрата в тунгусо-маньчжурских языках. Вместе с тем не исключается возможность и более древних связей нивхского языка с тунгусо-маньчжурскими языками, на что, в частности, указывает наличие значительных сходжений нивхского языка со всеми алтайскими языками, сходжений такого рода, которые позволяют говорить не только о типологической, но и существенной материальной его близости к этим языкам.

II. Нивхский и алтайские языки — монгольские, тюркские и тунгусо-маньчжурские — являются языками синтетическо-агглютинирующего типа: морфемы в пределах слова объединяются преимущественно по способу агглютинации, а грамматические значения в основном выражаются в составе самого слова. В нивхском, как и в указанных языках, основными

<sup>4</sup> Е. А. Крейнович, Гиляцко-тунгусо-маньчжурские параллели, «Докл. и сообщ. Ин-та языкознания АН СССР», 8, 1955, стр. 135.

<sup>5</sup> А. П. Окладников, К археологическим исследованиям в 1935 г. на Амуре, «Советская археология», 1936, 1; его же, Археологические исследования в Приморье в 1953 г., «Сообщения Дальневосточного филиала АН СССР», 8, 1955; его же, Неолитические памятники как источники по этнологии Сибири и Дальнего Востока, «Краткие сообщения ИИМК», 9, 1941; М. Г. Левин, Этническая антропология и проблемы этногенеза народов Дальнего Востока, М., 1958, стр. 112 и сл.

<sup>6</sup> М. Г. Левин, указ. соч., стр. 116—117.

<sup>7</sup> Ср.: А. П. Окладников, К изучению начальных этапов формирования народов Сибири, «Советская этнография», 1950, 2; М. Г. Левин, указ. соч., стр. 187 и сл.

средствами выражения грамматических и лексических значений являются суффиксация и словосложение и в значительно меньшей степени — внутренняя флексия. Некоторые общие типологические черты свойственны и грамматическим категориям перечисленных языков, в частности, факультативность выражения маркированных частных грамматических значений. В нивхском, как и в алтайских языках, существительные с предметным значением употребляются в атрибутивной функции. Весьма близкой у нивхского и алтайских языков оказывается структура предложения: один и тот же порядок следования членов предложения — обстоятельства времени и места, подлежащее, дополнение, сказуемое; определение предшествует определяемому; простое предложение осложняется деепричастными и причастными оборотами, и др. Вместе с тем у нивхского и алтайских языков имеется материальная близость как в лексике, так и в грамматике<sup>8</sup>.

Материальная близость нивхских грамматических показателей к соответствующим монгольским, тюркским и некоторым другим алтайским показателям обнаруживается в области как имени, так и глагола. При этом особенно значительные схождения между нивхским и алтайскими языками наблюдаются в сфере выражения различных типов собирательного и дистрибутивного множеств. Суффикс мн. числа *-ку ~ -гу ~ -ху* амурского диалекта и *-кун ~ -гун ~ -хун* восточносахалинского диалекта нивхского языка, который первоначально имел собирательное значение, сопоставляется с монгольским собирательным суффиксом *-хин*, который в некоторых монгольских языках имеет форму *-хан/-хон*, а также с тюркским суффиксом *-гун/-күн, -гун/-гүн*. В тюркских языках этот суффикс, как отмечает А. Н. Кононов, «... пережиточно представлен в именах числительных собирательных и в составе отдельных слов»<sup>9</sup> и является вторичным ( $< *q + n$ )<sup>10</sup>. Суффикс *-тан ~ -ран ~ -дан* с собирательным значением в нивхском языке полностью совпадает с монгольским собирательным суффиксом *-тан/-тон* и тув. *-тан* (в *йазы-тан* «племя, раса»). При этом существенно отметить, что в нивхском этот суффикс восходит к слову *тан* «домочадцы», «совокупность членов того или иного объединения людей»<sup>11</sup>, по-видимому, имеющему общую корневую морфему со словами *ты-ф* (ам. д.), *та-ф* (в.-с. д.) «дом», *ра-ф* (ам. и в.-с. д.) «надмогильный домик», и, следовательно, не может рассматриваться как заимствование из монгольского языка.

В нивхском языке есть ряд непродуктивных суффиксов с собирательным значением. Это прежде всего суффикс *-с* (ср. *риан-с* «сколько», *тун-с* и *хун-с* «столько») и суффикс *-к* [ср. *тунрым-к*, *хунрым-к* «столько (много)» и *тунры-д'*, *хунры-д'* «такой»]. Путем комбинации суффикса *-с* и его вариантов *-рш/-р* (в нивхском языке отмечаются диалектные соответствия

<sup>8</sup> Некоторые из нивхско-тюркско-монгольских параллелей нами совместно с Т. А. Бертагаевым были рассмотрены в докладе «Нивхско-монголо-тюркские связи» (см. «Проблемы алтаистики и монголоведения. Тезисы докладов и сообщений Всесоюзной конференции», Элиста, 1972, стр. 5—6).

<sup>9</sup> А. Н. Кононов, Показатели собирательности — множественности в тюркских языках, Л., 1969, стр. 21.

<sup>10</sup> Ср., однако, др.-тюрк. *күн* «народ» ~ монг. *күмүн*, \**күнүн* «человек, мужчина» (M. Räsänen, Versuch eines etymologischen Wörterbuchs der Türkischen Sprachen, Helsinki, 1969 [далее — Räsänen], стр. 309). В качестве источников в статье использованы также следующие издания: «Древнетюркский словарь», Л., 1969; И. Захаров, Полный маньчжуро-русский словарь, СПб., 1875; Т. И. Петрова, Нанайско-русский словарь, Л., 1960; В. А. Горцевская, В. Д. Колесникова, О. А. Константинова, Эвенкийско-русский словарь, Л., 1958; «Краткий эвенко-русский словарь», М.—Л., 1936; «Краткий удэиско-русский словарь», М.—Л., 1936; «Монгольско-русский словарь», М., 1957.

<sup>11</sup> В. З. Панфилов, Грамматика нивхского языка, ч. I, М.—Л., 1962, стр. 53—54, 94.

с  $\sim$  *ри*  $\sim$  *р*), суффикса *-к* и его варианта *-γ* (в нивхском *к* и *γ* регулярно чередуются) образован ряд для современного нивхского языка непродуктивных суффиксов с собирательным значением: 1) суффикс *-ск/-кс* в существительных *хи-ск* «конопля»; крапива; матаус», *ки-ск* «ряска», *чи-ск* «войлок», *ны-кс* «кустарник», *тул-кс* «настил из жердей в доме, на котором содержался медведь» и др.; 2) суффикс *-рк* (*-риш*)/*-кр* в существительных *ты-рк* «циновка из камыша», *ху-риш* «чаща», *т'ы-кр* «багульник», *т'ви-рк* «желчь, горечь» и др.; 3) суффикс *-үс* в существительных *ны-үс* «зубы», *нон-үс* «чаща», *та-үс* «узор», *на-үс* «стена», и др.; 4) суффикс *-үр* в существительных *хы-үр* «икринка, икра», *хи-үр* «желудок», *ны-үр* «шкура, кожа (о животных)» и др.<sup>12</sup>.

Первичный показатель собирательности — коллективности  $^{-0}z(<*-p)\sim^{-0}c > ^{0}h$  этимологически выделяется в тюркских языках (*би+з* «мы», *си+з* «вы») <sup>13</sup>, показатель мн. числа *-с/-м/-д* есть в монгольских языках. Показатель собирательности — коллективности *-с* широко представлен также в тунгусо-маньчжурских языках в форме компонента *-са*, *-сә*, *-со* показателя мн. числа эвенкийского и нанайского языков *-сал*, *-сәл* (*-сол*), где вторым компонентом также является показатель мн. числа <sup>14</sup>, а также в форме второго компонента собирательного суффикса *ка/кә*, *кта/ктә* эвенкийского и нанайского языков, который сопоставляется с маньчжурским показателем мн. числа *-са*, *-сә*<sup>15</sup>. Очевидно, что нивхский суффикс *-с/-риш/-р* со значением собирательной множественности сближается с этими показателями множественности в указанных алтайских языках.

Аналогичным образом можно провести параллель между нивхским суффиксом *-к/-γ* со значением множественности и алтайским (а также и уральским) показателем собирательности *-q/-к*, *-γ/-г*<sup>16</sup>.

Выделяемый в тюркских, монгольских и тунгусских языках показатель множественности *-н*<sup>17</sup> также находит параллель в нивхском суффиксе *-н/-н* со значением репрезентативного множества, которое он передает в составе личных местоимений мн. числа. Ср.: *н'и* «я» и *н'ын* (ам. д.), *н'ин* (в.-с. д.) «мы»; *чи* «ты» и *чин* (ам. д.), *чин* (в.-с. д.) «вы»; *иф* «он» и *имн*, *ивн* «они» (ам. д.).

Другой нивхский собирательный суффикс *-ни* (ср. *оу-ни* «гуща», *лыв-ни* «овод»), по-видимому, сопоставляется с нанайским и эвенкийским суффиксом собирательных числительных *-ни*. Наконец, нивхский суффикс *-кин*  $\sim$  *-γин*  $\sim$  *-гин*  $\sim$  *-хин* (в.-с. д.) и *-ки*  $\sim$  *-γи*  $\sim$  *-ги*  $\sim$  *-хи* (ам. д.) со значением совместности и общий с ним по своему происхождению компонент *-ки/-ги* личного местоимения 1-го лица двойств. числа *мэги/мэки*, по-видимому, можно сопоставить с тюркским числительным *ики*, *икй*, *экй* «два» (ср. тюрк. *икиз* и монг. *эхир* «двойня») <sup>18</sup>.

Таким образом, многие суффиксы нивхского языка, служащие для выражения различных значений дистрибутивного и собирательного множеств, материально являются общими или близкими с соответствующими

<sup>12</sup> См. подробнее: В. З. Панфилов, указ. соч., ч. I, стр. 102—103. Ср.: Е. А. Крейнович, указ. соч., стр. 142—143.

<sup>13</sup> А. Н. Кононов, указ. соч., стр. 5—6.

<sup>14</sup> Там же, стр. 7; см.: Г. М. Василевич, Очерк грамматики эвенкийского (тунгусского) языка, Л., 1940, стр. 31.

<sup>15</sup> И. Захаров, Грамматика маньчжурского языка, СПб., 1879, стр. 120; см. также: Е. А. Крейнович, указ. соч., стр. 143.

<sup>16</sup> См.: А. Н. Кононов, указ. соч., стр. 14—15.

<sup>17</sup> См.: там же, стр. 15—18; Лубсангджачой, Сопоставительный анализ морфологической структуры слова в монгольском и английском языке. АДД, М., 1971, стр. 63.

<sup>18</sup> Ср. предположение о том, что «в основе показателя совместности нивхской речи лежит слово *гә* „товарищ“, „другой“, „иной“, эвенкийского и эвенского языков» (Е. А. Крейнович, указ. соч., стр. 146).

грамматическими показателями в тюркских, монгольских и других алтайских языках.

Характерно при этом, что у нивхского языка оказываются общими с алтайскими языками не только различные показатели собирательной и дистрибутивной множественности, но также и возможность сочетания двух различных показателей этой грамматической формы в пределах одной словоформы. Эта черта, характеризующая нивхский язык как язык агглютинативно-синтетического типа, в известной мере свойственна ему и на современном этапе его развития. Так, например, нивхские личные местоимения мн. числа *н'ын* «мы», *чын* «вы», *имн* «они», которые уже включают в свой состав суффикс *-н* с собирательным значением, могут еще дополнительно оформляться суффиксом мн. числа *-ку* ~ *-чу* ~ *-гу* ~ *-ху* (*н'ын-гу* «мы», *чын-гу* «вы», *имн-гу* «они», ср. тюрк. *биз-лер* «мы», *сиз-лер* «вы»).

Из других сходжений в морфологии имени можно отметить совпадение нивхского уменьшительно-ласкательного суффикса *-q*, в настоящее время непродуктивного, с непродуктивным уменьшительным суффиксом  $-\frac{a}{x}$  *g*/

$-\frac{2}{u}$  *к* в азербайджанском и некоторых других тюркских языках<sup>19</sup>, а также со вторым компонентом тюркского суффикса *-наq* с тем же значением, который, по мнению А. Н. Кононова, образован из двух уменьшительных суффиксов, а именно  $^{-0}n + ^{-0}q$ <sup>20</sup>. В монгольском языке также есть суффикс *-хан/-хон* со значением уменьшительности.

По-видимому, не случайной является также близость древнетюркского, а также монгольского суффикса винительного падежа *-(ы)γ/-(и)g* с суффиксом дательного-винительного падежа *-ax* нивхского языка. Возможно также, что один из суффиксов предельного падежа *-т'ыкы* ~ *-ршыкы* нивхского языка сопоставляется с суффиксом направительного падежа в различных тунгусо-маньчжурских языках, выступающего в виде *-тики*, *-тихи*, *-таки*, *-тки*, *-ти*, *-чи* (*-ски*, *-си*, *-ки*)<sup>21</sup>. Как нам уже приходилось отмечать<sup>22</sup>, многие суффиксы собственных имен нивхского языка также имеют параллели в тунгусо-маньчжурских языках. Так, нивхский суффикс *-кан* ~ *-ган* сопоставляется с эвенк. *-ган*, используемым для образования названий жителей по местностям, и маньчж. *-гань*, *-гонь*, *-гэнь* в родовых названиях; нивхский суффикс *-кин* ~ *-гин* ~ *-хин* — с эвенк. *-гин* (ед. ч.), *-гир* (мн. ч.) — показателем принадлежности женщин к родовой организации; нивх. *-рик* и *-лик* сопоставляются с эвенкийским суффиксом женских собственных имен *-рик/-лик*; нивхский суффикс имен женщин *-к* — с таковым же эвенкийским суффиксом *-к*; нивхские суффиксы *-ту-н* ~ *-ру-н* ~ *-ду-н*, *-ли-н*, *-лу-н*, *-ма-н*, *-зи-н* — соответственно с суффиксами маньчжурских родовых названий *-ду/-дунь/-тунь*; *ли*, *-лу*, *-му*, *-ма/-мэ/-мо*, *-си*.

Наконец, следует отметить близость нивхского именного суффикса *-с/-ри*, посредством которого от глаголов образуются существительные —

<sup>19</sup> Э. В. Севортян, Аффиксы именного словообразования в азербайджанском языке, М., 1966, стр. 166 и сл.

<sup>20</sup> А. Н. Кононов, указ. соч., стр. 23. Ср. мнение, в соответствии с которым нивхский уменьшительный суффикс «представляет собой усеченную форму эвенкийско-эвенского показателя» *кан*, *кэн* с аналогичным значением (Е. А. Крейнович, указ. соч., стр. 146).

<sup>21</sup> Ср. сопоставление этого суффикса тунгусо-маньчжурских языков с нивхским суффиксом дательного-направительного падежа *-тох* ~ *-рох* ~ *-дох* (см.: Е. А. Крейнович, указ. соч., стр. 146), который, по-видимому, происходит от суффикса *-тою* ~ *-рою* ~ *-дою*, в современном нивхском языке образующего предельный падеж, а ранее — дательного-направительно-предельный.

<sup>22</sup> W. S. Panfilow, Über die Eigennamen (Anthroponyma) in der Sprache der Nivchen (Giljaken), «Glaubenswelt und Folklore der sibirischen Völker», Budapest, 1963.

названия орудий, результатов, объектов, а также субъектов соответствующих действий (ср. *qov-d'* «черпать», *qov-c* «черпак»; *чхон'д'и-д'* «грузить, нагружать», *чхон'д'и-с* «груз»; *хов-д'* «свертывать», *q'ov-c* «сверток»; *й-ытнгу-д'* «сторожить, караулить», *ытнгу-с* «сторож») и суффиксов имени орудия или предмета действия -с в монгольских, помен *agentis* -*аж*, имени орудия или предмета действия -*ыш/-ыш/-ыс/-ис* в тюркских языках<sup>23</sup>, помен *agentis* -*си* в маньчжурском языке<sup>24</sup>.

Значительно меньше сходжений обнаруживается в глагольных системах нивхского и алтайских языков. В их числе можно отметить близость нивхского суффикса изъявительного наклонения глагола -*qana/-qan* ~ -*qana/-qan* и тюркско-кыпчакского суффикса причастия, -*qan/-qan/-ken*, используемого в функции глагола прошедшего времени изъявительного наклонения, монгольской глагольной формы на -*γан*, а также тунгусо-маньчжурской формы на -*га*, -*нан*; нивхского составного деепричастного суффикса -*дур-ну-т*, -*дур-ну-р* (-*т*, -*р* — деепричастный суффикс дополнительного действия), образующего от глаголов форму со значением состояния, и тюркского вспомогательного глагола *туруп/дуруп* < *тур/дур* (глагольная основа) + показатель аориста -<sup>0</sup>*р*; нивхского деепричастного суффикса -*кэ*, указывающего на длительное, одновременное с главным действие или предшествующее ему действие, и глагольного суффикса -*кя*, -*гя*, -*ке*, -*хя* в маньчжурском языке со значением продолжительности, усиления действия<sup>25</sup>; нивхского суффикса будущего времени -*ны* и суффикса настоящего-будущего времени -*на/-нэ/-но* в халха-монгольском языке.

Количество лексических параллелей между нивхским и монгольскими, тюркскими, тунгусо-маньчжурскими и, в меньшей степени, корейскими языками весьма значительно. Некоторые из алтайских языков, прежде всего — тунгусо-маньчжурские — испытали немалое влияние нивхского языка за время их длительного сосуществования, после того как тунгусо-маньчжурские народы поселились на соседних с нивхами территориях Приамурья и Сахалина. Заимствования из нивхского языка в тунгусо-маньчжурские языки отмечаются, в частности, в тех слоях лексики, которые относятся к областям материальной культуры, освоенным этими народами под влиянием нивхов<sup>26</sup>, и в том числе — к рыболовству, морскому промыслу, собачьей упряжке и некоторым видам одежды, например, из рыбьей или нерпичьей кожи. В свою очередь вместе с проникновением к нивхам соответствующих элементов материальной культуры нивхский язык заимствовал из алтайских языков немало слов. К параллелям этого типа можно отнести, например, такие: нивх. *мур*, ср. монг. *морь*, нан. *морин*, маньчж. *моринь* «лошадь»; нивх. *эман*, ср. монг. *имаган*, нан. *иман* «коза»; нивх. *хота*, ср. монг. *хот*, нан., ульч. *хотон*, маньчж. *хотонь* «город»; нивх. *хон'* «баран», ср. монг. *хонь*, др.-тюрк. *дой*, нан. *хони*, маньчж. *хонинь* «овца»; нивх. *эоја*, ср. монг. *узэр* «рогатый скот, корова», казах. *өгіз*, др.-тюрк. *өгүз* «бык», ср. нан., ульч. *ихан*, маньчж. *ихань* «корова»; нивх. *хаза* «ножницы», ср. монг. *хайчи* «ножницы», *хаз-уур* «клещи-кусачки», *хазах* «откусывать, отгрызать», нан. *хадя*, маньчж. *хасаха* «ножницы»; нивх. *тамх* «табак», *ра-д'* «курить», ср. монг. *тамхи* «табак», *татаха* «курить», нан. *дамахи* «табак»; нивх. *тай*, ср. кит. *дай*, нан. *даи*, бурят. *даһан* «курительная трубка»; нивх. *сэта*, ср. нан. *сиата* «сахар»; нивх. *тафт'* (ам. д.), *тафт'ин* (в.-с. д.), ср. монг. *давэс*, тюрк.

<sup>23</sup> Э. В. Севортян, указ. соч., стр. 269 и сл.; Н. А. Баскаков, Введение в изучение тюркских языков, М., 1969, стр. 155.

<sup>24</sup> И. Захаров, указ. соч., стр. 74.

<sup>25</sup> И. Захаров, указ. соч., стр. 155.

<sup>26</sup> См.: М. Г. Левин, указ. соч., стр. 133, 202.

тууз, нан. даосан, маньчж. дабусунь «соль»; нивх. т'ур, ср. нан., маньчж. тури «горох»; нивх. пос, ср. монг. бос, нан., маньчж. босо «материя»; нивх. йозо, ср. нан. йосо, маньчж. иоосэ «замок»; нивх. хаузул/хаулус, ср. нан. хауза, улч. хаусали, маньчж. хоошань «бумага»; нивх. йою (ам. д.), йорон<sup>1</sup> (в.-с. д.), ср. нан. ёхан, маньчж. иохань «вата»; нивх. чха «деньги», ср. нан. диха, маньчж. чжиха «деньги»; нивх. питү «письмо; книга», ср. др.-тюрк. битиг «книга, надпись, документ», бити- «вырезать надпись» (ср. кит. би, пир < пьет «кисть для письма»), монг. бичиг, нан. бичхэ «письмо; грамота»; нивх. умгу (ам. д.), ршанг (в.-с. д.), ср. монг., бурят. эмгэ(н) «женщина»; нивх. майаг'а «палатка», ср. монг. майхан «палатка; шалаш», нан. маикан «палатка»; нивх. чан-д' (ам. д.) (тлэуланд — в.-с. д.) «быть белым», ср. монг. цагаан «белый», нан. чайган (образное слово) «бело; белея» и чагдан «белый»; нивх. манг-д' «быть сильным, могучим», ср. монг., калм., бурят. мангас «сказочное чудовище необыкновенной силы», нан. ман-га «трудно; тяжело; очень; сильно»; нивх. чоҳ «сок растения», чоҳт-т' «быть пьяным», ср. монг., бурят., калм. согт-ох «быть пьяным», эвенк. чуксэ «сок», нан. сэксэ «кровь»; нивх. т'уму «миллион», ср. монг. тўман «тьма, бесчисленное множество», «десять тысяч», уйг. тўман «десять тысяч», др.-тюрк. тўмāн «очень много; неисчислимо много; десять тысяч» и многие другие.

Ко второму типу нивхско-алтайских лексических параллелей относятся такого рода случаи, когда рассматривать соответствующие слова как результат недавних заимствований из алтайских языков в нивхский или обратно нет достаточных оснований, так как они или имеют более или менее широкие этимологические связи в пределах соответствующих языков, или вообще редко заимствуются. Такого рода нивхско-алтайские языковые параллели отмечаются в различных слоях лексики. Среди местоимений обнаруживают близость: нивх. чи «ты», чын «вы» — монг. чи «ты», нан., улч., уд., эвенк., маньчж. си, эвен. һи; нивх. и «он» (западно-сахалинский говор амурского диалекта), иф «он», имн/ивн «они» — старомонг. и, даг. и, маньчж. и «он», корейск. и «этот»<sup>27</sup>; нивх. сык «все; всё» — монг., калм. цуг «все; всё»; нивх. ку-д' «тот» — др.-тюрк. -оq — утвердительно-выделительная частица, южно-уйг. ко «этот», ку «вон тот», чуваш. ко, ку «этот», монг. ку — усилительная частица; нивх. ан «кто» — эвенк. анге, анги «что; какой; как».

Для числительных можно отметить следующие нивхско-алтайские параллели: нивх. \*н'и «один» — монг. ни-гэн «один», которое возводится к \*ни «единое; целое»; нивх. \*т'э «три» — корейск. се, сэ, сэж «три»; нивх. \*ны «четыре» — корейск. не, нэ, нэж; нивх. \*т'о/\*то «пять» (ср. нивх. то-т «рука», ты-мк «кисть руки») — та- корень числительного «пять» в монгольских языках (ср. монг. та-бун «пять», гур-бан «три», дөр-бөн «четыре» и т. п. — членение производится согласно устному разъяснению Т. А. Бергатаева), с одной стороны, и монг. табагаи «нога верблюда», табак «подошва» ~ тюрк. тāпан «подошва; подметка», с другой, монг. т'о «счет; число», тофо- в маньчж. тофо-хон «пятнадцать», нан. тойнга, эвенк. тунга «пять»; нивх. \*хон/\*хон «десять» в производных числительных — др.-тюрк. он «десять», туркм. он «десять» ~ монг. -ан «десять» в названиях десятков в монгольских языках, -хон в тофо-хон «пятнадцать» в маньчжурском языке, -хоан в гор-хоан «тринадцать» в чжурчженском, -хын в названиях десятков в корейском<sup>28</sup>.

<sup>27</sup> По мнению В. Котвича, также и в древнетюркских языках существовало личное-указательное местоимение 3-го лица ед. числа \*и (н) (В. Котвич, Исследования по алтайским языкам, М., 1962, стр. 144).

<sup>28</sup> См. подробнее: В. З. Панилов, указ. соч., ч. I, стр. 204—214.

Можно усмотреть известную общность и в существительных — названиях людей и животных, а также их отдельных органов: нивх. *ар* «самец», *ир* «мать», *эр* «отец» (в.-с. д.), а также суффикс *-р/-ри*, выделяемый из состава названий ряда животных и числительных для счета живых существ<sup>29</sup> — тюрк. *ар*, монг. *эр* «мужчина; самец», монг. *аран* «простолюдин; мужчина»; компонент *-ар* многих этнонимов типа *татар*, *хазар*; нивх. *на* «зверь», «животное» (с его многочисленными производными) — монг., бурят., калм. *ан(г)*, тюрк. *ан* «зверь»<sup>30</sup>; нивх. *qa-н* «собака», *qa-х* «передовая собака на бегах» — алтайск. *тай-кан*, чаг. *тай-хан* «охотничья собака, борзая» < монг. *тайи-ган* «охотничья собака, борзая», маньчж. *тай-ха* < монг. \**тайи* «лес» + тюрк. \**кан* «собака» (Räsänen, 456), ср. также уйг. и др. *данжуу* ~ *канжык*, казах. *каныш* «сука»; нивх. *кыккык* (ам. д.), *кыкык* (в.-с. д.) «лебедь» — уйг. *коуу*, *кууу* «лебедь», ср.-тюрк. *коуу*, *ку:*, нан. *куку*, уд. *кухи* «лебедь»<sup>31</sup>; нивх. *т'оу* «лось» — монг. *токи* «лось», якут. *т'ба* «олень», *тайах* «лось», нан. *т'б*, *т'бк* «лось», маньчж. *токо* «лось»<sup>32</sup>; нивх. *ыты-к* «отец» (ам. д.) — монг. *эцэг*, калм. *эцг*, бурят. *эсэг* «отец», тюрк. *ата* «отец»; нивх. *ыз* (ам. д.), *ызг* (в.-с. д.) «хозяин» — монг., бурят., калм. *эз(н)*, тюрк. *ейе*, *ийе*, *еге*, *иди*, *изи*, нан. *эден* «хозяин»; нивх. *ту-в* «братья и сестра всех степеней родства» — монг. *дүү* «младший брат; сестры», др.-тюрк. *тоу-* «рождаться», караимск. *тув-* «родиться»; нивх. *ыкы-д'* «быть старше кого-либо», *ыкы-н* «старший брат» (ам. д.), *ака-д/ака-нд* «старший брат» (в.-с. д.) — монг., бурят., калм. *ахэ* «старший по возрасту», тюрк. *ада*, *акка*, *ауа* «старший брат» (ср. др.-тюрк. *эчи* в том же значении), нан., ульч. *ага*, эвенк. *акин*, эвен. *акан*, маньчж. *ахань* «старший брат»; нивх. *ат'и-к* «младший брат» — алтайск. *ачы* «младший брат; племянник; младший двоюродный брат» < монг. *ачи* «ребенок младших братьев; дядя; племянник» (Räsänen, стр. 3—4); нивх. *оола* (ам. д.), *оолн* (в.-с. д.) «ребенок», *оу-д'* (*хо-д'*, *q'o-д'*) «рождать (о животных)» — др.-тюрк. *оуул* «сын, мальчик», ср.-тюрк., уйг. *оул-ан* «молодой человек, юноша»; нивх. *q'a-л* «род», *q'a* «имя», *ха-у-д'* «называть» — нан., ульч., маньчж. *хала* «род», уйг. *ка* «родственник», тув. *ха* «старший брат»; нивх. *нафд* «друг, товарищ» — монг. *найиджи* «друг, товарищ; любимый» < *наи* «дружественность; друг», ср. кит. *нэй-ча* «моя жена» (Räsänen, 349); нивх. *аши* «пасть животных», монг. *ам* «рот, зев; пасть у животных»; нивх. *ынг* «рот; пасть» — монг. *ангайх* «разевать рот», *ан(г)* «трещина, щель», *анга-йи* «быть открытым», маньчж. *анга* «рот, пасть животных», чаг. *ангар* «разевать рот», туркм. *ангар* «быть удивленным», казах. *ангыр* «быть в недоумении, не зная, что делать», татар. *анара*, *ангара* «дурак», нан. *анга* «рот», эвенк. *анга* «пасть зверя».

Из других семантических групп обращает на себя внимание близость следующих существительных: нивх. *к'эн* «солнце», *ку* «день», *к'уну* «заря; рассвет» — тюрк. *күн* «солнце; день»; нивх. *т'ыт* (ам. д.), *т'ат-н* (в.-с. д.) «утро» — др.-тюрк. *тан* «утро; утренний рассвет», ср.-тюрк., таг. турецк., крымско-татар., туркм. *дан* «заря», азерб. *дан-ла* «утром», чаг. *тан-ла* «утром»; нивх. *т'у-лф* «зима» — нан. *туэ*, эвенк. *туэни*, маньчж. *туэри* «зима»; нивх. *то-лф* «лето» — эвенк. *дюгани*, нан. *д'еа*

<sup>29</sup> Там же, стр. 202.

<sup>30</sup> Ср. сопоставление нивхск. *на* «зверь», «животное» с эвенским показателем *на/наэ* в составе названий некоторых животных, птиц и насекомых (например, *аси-на* «самка птицы» при *аси* «женщина; самка», *чири-наэ* «гусеница» при *чири* «красная медь»), а также с показателями эвен. числительных для счета животных *на/наэ* и эвенк. числительных *нга/нгаэ* (см.: Е. А. Крейнович, указ. соч., стр. 142).

<sup>31</sup> Е. А. Крейнович рассматривает нивх. *кыккык* «лебедь» как заимствование из тунгусо-маньчжурских языков (указ. соч., стр. 164).

<sup>32</sup> Е. А. Крейнович считает нивх. *т'оу* «лось» заимствованием из тунгусо-маньчжурских языков (указ. соч., стр. 162).

«лето»; нивх. *ари* «север» — *й-ыри-д'* (ам. д.), *й-ари-д* (в.-с. д.) «идти сзади кого-либо» — маньчж. *ар* «северный; зад; тыл», тюрк. *арт* «задняя сторона», *арда* «спина, затылок», *ары* «вслед за; назад»<sup>33</sup>; нивх. *эр-г* «сторона; в направлении»; тув., алтайск. *йар*, чаг. *йару* последог со значением «в направлении; на»; нивх. *йа-ми* «направление вниз по течению реки» — чуваш. *ай* «нижний», *айлым* «низменность; долина», эвенк. *ейе* «низовье; течение» (Räsänen, 38); нивх. *эри* «река» (ам. д.) — монг., калм. *эрэг* «берег», калм. (разг.) *эрик/ерик* «речушка»; нивх. *тол* «море; вода» и др.-тюрк. *талуй* «море», ср. казах. *толку* «удар волны», чаг., уйг. *толку-н* «удар волны», караим. *толгун*, балкар. *толкан* «волна; вал; зыбь» ~ монг. *долги* «двигаться на волнах», *долги-йан* «волна» (Räsänen, 487); нивх. *т'адм* «вершина, макушка горы» — тув. *танды* «высокая гора; высокогорная тайга»; нивх. *нал* «гора; лес» — уйг. *бәл* «холм», турецк. *бәл* «холм; овраг; пропасть», казах. *бел* «холм»; нивх. *т'у-үр* «огонь», *риш-вд'* «сжигать» — эвен. *тоғу*, эвенк. *тоғо* «огонь»; нивх. *ны* «вещь; дело» — *ны-д'* «делать что-либо» — др.-тюрк., ср.-тюрк., уйг. *нән* «принадлежность; имущество; вещь»; нивх. *а* «сажень», *й-а-д'* «измерять саженями» — монг., бурят., калм. *а-лд* «сажень»; нивх. *ху-ви* «связка корма для собак» — монг., бурят. *хувь/хуби*, калм. *хув* «часть; доля; порция», монг. *губи-йу*, калм. *хйwä* «делить, распределять», тув. *хү* «часть; доля; процент», *хува* «делить; распределять»; нивх. *q'a-c* «столб» и монг. *гадас*, калм. *гасн* «кол; свая», тюрк. *дазык* «кол»; нивх. *q'ол* «отопительная труба», *һол* «полость внутри чего-либо», *й-ол-кэ-у-д'* «делать углубление» — уйг. *қол* «сердцевина; русло», монг. *гол* «сердцевина; русло; река», нан. *җолан* «дымовая труба»; нивх. *т'э* «дрова, сложенные штабелями», *т'и-үр* «дерево; лес» и нан. *дё*, эвенк. *дю* «дом», нан. *дё-кан* «дрова, сложенные конусом; маленький домик»; нивх. *ос* «корень; комель» — чаг., уйг., турецк. *öz* «лучшая часть какой-либо вещи; нутро; сердцевина; сердце; сущность; сам; собственный» ~ монг. *örö* «сердечная артерия (вена); аорта; внутреннее», *өрү* «грудь; внутреннее»; нивх. *т'ылгу* «предание», *т'ыд'* «быть далеким» — монг. *тёло* «шаманское гадание; ворожба», *түйхэн* «предание, история», нан. *тәлнгу*, уд. *тәлнгу* «предание»<sup>34</sup> и др.

В области глаголов и других лексико-грамматических разрядов слов можно отметить следующие нивхско-алтайские параллели: нивх. *алојалој-д'* «быть пятнистым, пестрым» — монг. *алад* «рябой; пятнистый», калм. *алг* «пестрый», ср.-тюрк. *ала, ала* «пестрый; пегий», маньчж. *алһа* «пестрый», нан., ульч. *алхан* «пестрый»; нивх. *харп-т'* «царапать», *q'арп* «копыто» — монг. *хару-р* «скребок», *qар-у* «копать; скрести», маньчж. *qарqа* «царапать; скрести»; нивх. *хыз-д'* «копать», общетюрк. *qаз-* «копать»; нивх. *ва-д* «обвязывать; связывать, перевязывать», *ваз-у-д'* «присоединять; скреплять что-либо одно с другим», *па-с* «бинт; тряпка для перевязи», др.-тюрк. *ба-* «связывать; завязывать»; нивх. *ул-д'* «быть высоким» — монг. *үла* «гора», кирг. *үлкөн* «высокий; большой; великий», др.-тюрк. *улуг* «большой, великий», др.-монг. *улэгу* «величественный; избыточный»; нивх. *ал-в-рэд'* (ам. д.), *ал-үад* (в.-с. д.) «оглядываться; смотреть назад», *ал-в-эрq* (ам. д.), *ал-үа-ф* послелог «за; сзади», ср. др.-тюрк. *ал* «пространство (место) перед чем-либо», у желтых уйгур *ал* «перёд; лоб»; нивх. *ийү-д'* (ам. д.), *айү-д* (в.-с. д.) «течь», уйг., ср.-тюрк. *aq-* «течь; стремиться», караим.-трок. *ах*, чуваш. *йох*, *йух* (> марийск. *йоу*), турецк. *ак-ыт* «позволять течь»; нивх. *зу-д'* «мыть что-либо», ср.-тюрк., уйг. *йу*, казах.

<sup>33</sup> Е. А. Крейнович считает нивх. *ари* «северный» заимствованием из тунгусо-маньчжурских языков (указ. соч., стр. 158).

<sup>34</sup> По мнению Е. А. Крейновича, нивх. *q'a-c* «столб», *q'ол* «отопительная труба», *т'ылгу* «предание» являются заимствованиями из тунгусо-маньчжурских языков (указ. соч., стр. 162, 164).

жү-, балкар. зү-, чуваш. сү-~ сыв «мыть»; нивх. и-ү-д' (ху-д', к'у-д') «убивать» — др.-тюрк. кыд «уничтожать», уйг. кыд-«нападать», турецк., казах. кый-«уничтожать» ~ монг. киду «уничтожать»; нивх. му-д' «болеть» — ср.-тюрк. мун «болезнь»; нивх. ит-т' «говорить», т'и-ф «слово», др.-тюрк. тә- «сказать»; нивх. қ'ав-д «быть горячим», хав-у-д' «согреть» — чаг., казах., алтайск. кала- «разжигать», тув. халын «жара» < монг. дала- «становиться горячим; жечь» (Räsänen, 224); нивх. й-ур-д' «следовать за кем-либо» — уйг. уд- «следовать, преследовать» ~ монг. уду «преследовать зверя» (Räsänen, 509); нивх. т'а-д' «дышать» — ср.-тюрк. ть-н «дыхание», уйг. тын «дыхание; жизнь»; нивх. тын-з-д' «весить» — тынз «вес», ср.-тюрк. тән «равный», уйг. тән «равный, одинаковый; весы», монг. тен «равновесие, равенство» (Räsänen, 473); нивх. полм-д' «быть слепым» — якут. балай, бала «слепой» < монг. балай «темный; глупый, слепой» (Räsänen, 59); нивх. эна-д' «другой» — южно-уйг. ынгар «другой; отличный; различный»; нивх. т'ама-д' «быть неподвижным, спокойным» — тув. томар(ы)- «смиряться», томән «смирный» < монг. тома-гара «становиться разумным»; томаган «постоянный, неизменный, надежный» ~ маньчж. томо «усесться, крепко сидеть» (Räsänen, 487); нивх. т'хы послелог «на; сверху» — др.-тюрк. тау «гора», и мн. др.

Приведенные здесь нивхско-алтайские грамматические и лексические параллели (а их число можно увеличить) таковы, что они дают основание говорить если не о генетическом родстве нивхского и алтайских языков, то, по меньшей мере, об их сродстве, приобретенном в результате давних и длительных контактов. А если так, то привлечение нивхского языка может дать немало полезного при сравнительно-исторических исследованиях алтайских языков, а использование данных алтайских языков — при соответствующем изучении нивхского, а также для изучения прошлого состояния этих языков <sup>35</sup>.

Нивхи выделяются антропологами в особый сахалино-амурский антропологический тип, который определяется ими как результат взаимодействия северных и южных монголоидов. А. П. Окладников отмечает тесные связи материальной культуры Приамурья и Юго-Восточной Азии начиная с неолита и даже считает возможным определять материальную культуру Приамурья периода неолита как южную по своему характеру. «В то время как в Байкальском районе, — писал он, — развивалась действительно северная, сибирская, в собственном смысле этого слова, культура, на Амуре в неолите была несомненно южная культура, с тихоокеанскими связями и, быть может, происхождением. Она вдавалась клином вдоль одной из величайших рек нашей части света в глубь северо-восточной Азии как прямое продолжение культур островного мира, окаймляющего восточную и юго-восточную Азию» <sup>36</sup>.

Языковые данные также свидетельствуют о наличии в прошлом связей между населением Приамурья и Юго-Восточной Азии, о давних связях нивхского языка с такими языками, как китайский, бирманский, качинский и другие, на чем, однако, мы предполагаем остановиться позднее в специальной работе.

<sup>35</sup> Автор благодарит за ценные замечания по статье и консультацию по материалам тюркских и монгольских языков Т. А. Бертагаева, Э. В. Севортяна и Э. Р. Тенишева.

<sup>36</sup> А. П. Окладников, Неолитические памятники как источники по этнологии Сибири и Дальнего Востока, стр. 12.